

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала!
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течёт по-своему...
Подошёл и вижу —
за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
Звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь!
Может быть,
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть,
и мысль ей моя казалась пошла,
Только
лошадь

рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!
Ведь, если звёзды зажигают —
значит, это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь,
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянётся —
не перенесёт эту беззвёздную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звёзды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?

значит — это необходимо,
чтоб каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Анна Андреевна Ахматова

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных.
Лишь смех в глазах его спокойных
Под лёгким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лёд.
Едкий, душный запах дёгтя,
Как загар, тебе идёт.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щёки бледны, руки слабы,
Истомлённый взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Всё сильней биенье крови
В теле, раненном тоской.

* * *

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.
Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

* * *

Сегодня мне письма не принесли:
Забыл он написать, или уехал;
Весна как трель серебряного смеха,
Качаются в заливе корабли.
Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной ещё недавно,
Такой влюблённый, ласковый и мой,
Но это было белою зимой,
Теперь весна, и грусть весны отравна,
Он был со мной совсем недавно...

Я слышу? Лёгкий трепетный смычок,
Как от предсмертной боли, бьётся, бьётся,
И страшно мне, что сердце разорвётся,
Не допишу я этих нежных строк...

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

2

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ,
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны всё так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

Александр Трифонович Твардовский

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

(Отрывки из поэмы)

Тёркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде

В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь
— Ребята!

Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.
Но уже идут ребята,

На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём
кремнёвым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минёт ли в этот раз?

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый,
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив ещё? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришёл с войны.

Вот пришёл я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришёл. А тут гулянка!
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечёрку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно всё же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечёрке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждёт девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего... —
— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?

Вот сидишь ты на вечёрке,
И девчонка — самый цвет... —

— Нет, — сказал Василий
Тёркин.
И вздохнул. И снова: — Нет.

Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

Тёркин, Тёркин, добрый
малый,
Что тут смех, а что печаль?
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далёко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечёрки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Тёркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идёт кровавый.
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

ДОМ У ДОРОГИ

(Отрывок из поэмы)

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студёной
Война стояла у ворот
Столицы осаждённой.

И завершаю в год иной,
Когда от стен Берлина

Пришёл солдат с войны домой
Своей дорогой длинной.

Чего, чего не повидал,
Казалось, всё знакомо.
Но вот пришёл, на взгорке стал —
И ни двора, ни дома.

И там, где канули в огне
Венцы, столбы, стропила, —
Темна, жирна по целине,
Как конопля, крапива.

Да груды глины с кирпичом,
Золою перебитая,
Едва видна на месте том,
Уже трава прошитая.

Глухой, нерадостный покой
Хозяина встречает.
Калеки-яблони с тоской
Гольём ветвей качают.

Глядит солдат: ну, ладно — дом,
А где жена, где дети?..

Да, много лучше о другом,
О добром петь на свете.
Но не минуешь горьких слёз,
Которым срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Не каждой женщине — жене,
Родной сестре, невесте —
О тех, что сгинули в войне,
В конце дожждаться вести.

Ответ не каждому письму, —
Иное без ответа.
Привет не каждому тому,
Чьё сердце ждёт привета.

Но если та горька печаль,
Чьё место свято в доме,
То, может, легче, да едва ль,
Печаль особой доли.

Печаль подвижника-бойца,
Что год за годом кряду
Войну исполнил до конца,
И вот тебе награда!

Присел на камушек солдат
У бывшего порога,
Больную с палочкою в ряд
Свою устроил ногу.

Давай солдат курить табак,
Сходиться люди стали,
Не из чего-нибудь, а так —
В свидетели печали.

Стоят над нею, опершись
На грабли, на мотыги.
Вздыхнул один и молвил:
— Жизнь...

Другой сказал:
— Как в книге...

Константин Георгиевич Паустовский

РАСТРЁПАННЫЙ ВОРОБЕЙ

Все последние дни мама волновалась. Она готовилась впервые танцевать Золушку и обещала взять на первый же спектакль Петровну и Машу. За два дня до спектакля мама вынула из сундука сделанный из тонкого стекла маленький букетик цветов. Его подарил Машин отец. Он был моряком и привёз этот букетик из какой-то далёкой страны.

Мама вынула стеклянный букет и тихо сказала несколько слов. Это удивительно, потому что раньше мама никогда не разговаривала с вещами.

— Вот, — прошептала мама, — ты и дождался.

— Чего дождался? — спросила Маша.

— Папа подарил мне этот букет и сказал: «Когда ты будешь в первый раз танцевать Золушку, обязательно приколи его к платью после бала во дворце. Тогда я буду знать, что ты в это время вспомнила обо мне».

Мама положила стеклянный букетик к себе на стол. И она сказала, чтобы Маша не смела дотрагиваться до него даже мизинцем.

В этот вечер Маша смотрела за окно. Зима всё сыпала и сыпала с неба тихий снег. А на ветке за окном сидела седая ворона. И не моргая, смотрела на Машу.

Ворона ждала, когда Петровна откроет форточку, чтобы проветрить на ночь комнату. Как только все уходили, ворона взлетала в форточку, протискивалась в комнату. Она хватала первое, что попадалось на глаза.

Жила ворона в заколоченном на зиму ларьке. Ворона была скупая, сварливая. Она забивала клювом в щели ларька все свои богатства, чтобы их не разворовали воробьи.

Однажды ворона застала в ларьке растрёпанного воробья, по имени «Пашка». Она застала Пашку, как только он юркнул в ларёк. Ворона стукнула Пашку клювом по голове. Воробей упал и завёл глаза. Прикинулся мёртвым. Ворона выбросила его из ларька.

Милиционер оглянулся и подошёл к ларьку. Пашка лежал на снегу. Он умирал от боли в голове и только тихонько открывал клюв.

— Эх ты, беспризорник! — сказал милиционер, снял варежку. Он засунул в неё Пашку и спрятал варежку в карман шинели.

Утром Петровна пошла гулять в парк. Милиционер подозвал Машу и строго спросил:

— Вам, гражданочка, воробей не требуется? На воспитание?

Маша ответила, что требуется, и даже очень. Маша принесла Пашку домой. Пригладила ему перья щёткой, накормила и выпустила. Пашка прожил у Маши целые сутки и видел вечером, как влетела в форточку старая ворона и украла со стола рыбу. С тех пор Пашка каждый день прилетал к Маше. И соображал, чем бы Машу отблагодарить.

Маша решила узнать, как ворона протискивается через форточку. Она влезла на стул, открыла форточку и спряталась за шкафом. Ворона влезла в комнату, прыгнула на мамин стол. Она посмотрелась в зеркало и каркнула, увидев там злую ворону. Потом ворона воровато схватила стеклянный букет и вылетела за окно.

Маша вскрикнула. Петровна проснулась и заохала. Мама, когда вернулась из театра, долго плакала. Утром прилетел Пашка. Он

услышал рассказ об украденном букете. Воробей нахохлился и задумался.

Мама пошла на репетицию в театр. И Пашка увязался за ней. Он посидел немного на крыше, почистил клюв, смахнул лапой слезинку, чирикнул и скрылся.

Вечером мама надела на Машу праздничный белый фартучек, и все вместе поехали в театр. А в этот час Пашка собрал всех воробьёв, какие жили поблизости. И воробьи всей стаей напали на вороний ларёк. Там был спрятан стеклянный букет.

Сразу воробьи напасть не решились. Они расселись на соседних крышах и часа два дразнили ворону. Они думали, что она разозлится и вылетит из ларька. Тогда можно будет устроить бой на улице. Здесь не так тесно, как в ларьке. И на ворону можно навалиться всем сразу. Но ворона была учёная. Она знала воробьиные хитрости и из ларька не вылезала.

Тогда воробьи собрались с духом и начали один за другим проскакивать в ларёк. Там поднялся сильный писк и шум. Вокруг ларька тотчас собралась толпа. Прибежал милиционер. Он заглянул в ларёк и отшатнулся. Воробьиный пух летал по всему ларьку. И в этом пуху ничего нельзя было разобрать.

Милиционер начал отдиравать доски. Он открыл заколоченную дверь в ларёк и прекратил драку.

А в это время все струны на скрипках в театральном оркестре тихонько вздрогнули. Высокий человек взмахнул рукой, и под нарастающий гром музыки тяжёлый бархатный занавес качнулся, лёгко поплыл в сторону. И Маша увидела большую нарядную комнату, залитую жёлтым светом. Она увидела богатых уродок сестёр, и злую мачеху, и свою маму. Мама была худенькой и красивой в стареньком сером платье.

— Золушка! — тихо вскрикнула Маша и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Когда кончился спектакль, люди недоумевали, почему у счастливой Золушки на глазах слёзы. В это время в зрительный зал ворвался маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки.

Он закружился над сценой. И все заметили, что в клюве у него что-то блестит. Зал зашумел и стих. Воробей подлетел к Золушке. Она протянула к нему руки. И воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими руками приколола его к своему платью. Дирижёр взмахнул палоч-

кой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья.

Золушка кланялась и смеялась. И Маша не могла узнать в ней свою маму. А потом дома, когда погасили свет, Маша сквозь сон спросила маму:

— Когда ты прикалывала букет, ты вспомнила о папе?

— Да, — ответила мама.

— А почему ты плачешь?

— Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете.

— Вот и неправда! — пробормотала Маша. — От радости смеются.

— От маленькой радости смеются, — ответила мама, — а от большой — плачут. А теперь спи!

Маша уснула. Уснула и Петровна. Мама подошла к окну. На ветке за окном спал Пашка. Тихо было в мире, и крупный снег, что падал и падал с небес, всё прибавлял тишины. И мама подумала, что вот так же, как снег, сыплются на людей счастливые сны и сказки.

ТЕЛЕГРАММА

Октябрь был на редкость холодный. Над лугами тащились рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

Пастуший рожок затих до весны. Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же. Она доживала свой век в старом доме. Его построил её отец — известный художник. Дом находился под охраной областного музея. Катерина Петровна беспокоилась о том, что будет с домом после её смерти.

А в селе — называлось Заборье — никого не было. Катерине Петровне не с кем было поговорить о картинах, петербургской жизни. Рассказать о том лете, когда она жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае. Тихон помогал ей по хозяйству. Он рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колот на дрова. И каждый раз спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая. Она всё перебирала какие-то бумажки в кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я пойду, Катерина Петровна.

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна.

Он выходил, осторожно прикрыв дверь. А Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел на окнах, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом доме. Без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

Настя, её дочь и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. Последний раз приезжала она три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до неё. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте. Но думала о ней все дни. Писем от Насти тоже не было. Но раз в два-три месяца весёлый почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей.

Василий уходил, и Катерина Петровна сидела растерянно, с деньгами на руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова все одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Как-то ночью кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада. Катерина Петровна забеспокоилась и впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно. От холодного воздуха разболелась голова.

Около калитки Катерина Петровна тихо спросила:

— Кто стучит? — Но за забором никто не ответил. — Должно быть, почудилось, — сказала Катерина Петровна и побрела назад.

Она задохнулась, остановилась у старого клёна. Катерина Петровна взялась рукой за холодную, мокрую ветку и узнала её. Это был клён. Его она посадила давно, ещё девушкой-хохотушкой. А сейчас он стоял облетевший, озябший. Ему некуда было уйти от этой бесприютной ночи.

Катерина Петровна пожалела клён, потрогала шершавый ствол. В ту же ночь написала Насте письмо.

Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зиму эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать. Сад сохнет — совсем уж не тот, — да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело: вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень.

Манюшка, шмыгая носом, отнесла это письмо на почту.

Настя работала секретарём в Союзе художников. Работы было

много. Устройство выставок, конкурсов — всё это проходило через её руки. Письмо Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая. Настя решила прочесть после работы. Письма от Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения. Раз мать пишет, значит, она жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство. Будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева. Ей нужно доложить правлению Союза, как он живёт.

Тимофеев жаловался на холод в мастерской и на то, что ему не дают развернуться. Он провёл Настю по тёмному коридору, поднялся вверх и открыл дверь в мастерскую.

— Боже мой, какой холод! Покажите мне вашего Гоголя, — попросила Настя.

— Перейдите! — угрюмо приказал скульптор. — Да нет, не туда!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпочки, придирчиво осмотрел со всех сторон и сказал:

— Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная её насквозь, смотрел на неё остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьётся тонкая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, — казалось, говорили сверлящие глаза. — Эх ты, сорока!

— Ну что? — спросил Тимофеев. — Серьёзный дядя, да?

— Замечательно! — с трудом ответила Настя. — Это действительно превосходно.

Настя вернулась в Союз, прошла к председателю и долго говорила с ним. Она доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель в конце концов согласился.

Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке. И только там прочитала письмо Катерины Петровны.

— Куда там сейчас ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, о тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева. На открытии были скульпторы, художники. Седой художник подошёл к Насте и похлопал по руке:

— Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих

о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдёт до дела, так натыкаешься на пустые глаза. Ещё раз благодарю!

Началось обсуждение. В дверях появилась курьерша из Союза. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней. И Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на своё место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне».

Она посмотрела на адрес. Нет, телеграмма была ей. Тогда она только заметила тонкие печатные буквы на бумажной ленте: «Заборье».

Настя скомкала телеграмму и нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, — забота о человеке становится прекрасной реальностью. Я счастлив отметить и в нашей среде проявление этой заботы. Этой выставкой мы обязаны одной из рядовых сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семёновне.

Першин поклонился Насте, и все заплодировали. Настя смутилась до слёз. Кто-то тронул её сзади за руку. Это был старый художник.

— Что? — спросил он шёпотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... От одной знакомой...

Все смотрели на Першина. Но чей-то тяжёлый взгляд Настя чувствовала на себе и боялась поднять голову. Она с усилием подняла глаза и тут же отвела их. Гоголь смотрел на неё усмехаясь. На его виске как будто тяжело билась тонкая жилка. Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы: «Эх, ты!»

Настя быстро встала и выбежала на улицу. Валил водянистый снег. «Ненаглядная моя, — вспомнила Настя недавнее письмо. — Ненаглядная!»

Настя села на скамейку в сквере и горько заплакала. Она вздрогнула от холода и вдруг поняла, что никто её так не любил, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка.

— Поздно! Маму я уже не увижу, — сказала она про себя и вспомнила. За последний год она впервые произнесла это детское милое слово — «мама».

«Что ж это, мама? Что? — подумала она, ничего не видя. — Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее. Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила».

Билетов не было. Настя стояла около кассы, губы дрожали, она не могла говорить.

Пожилая кассирша в очках выглянула в окошко.

— Что с вами, гражданка? — недовольно спросила она.

— Ничего, — ответила Настя. — У меня мама...

Настя повернулась и быстро пошла к выходу.

— Куда вы? — крикнула кассирша. — Сразу надо было сказать.

Подождите минуту.

В тот же вечер Настя уехала.

...Тихон вышел на почту, пошептался с почтарём Василием. Он взял у него телеграфный бланк. Повертел его и долго, вытирая рукавом усы, что-то писал на бланке. Потом Тихон осторожно сложил бланк, засунул в шапку и поплёлся к Катерине Петровне.

Катерина Петровна не вставала уже десятый день. Ничего не болело. Но слабость давила на грудь, на голову, на ноги. Трудно было вздохнуть.

Манюшка шестые сутки не отходила от неё. Пришёл Тихон. Он кашлял, сморкался и, видимо, был взволнован.

— Что, Тиша? — бессильно спросила Катерина Петровна.

— Вот! — сказал он, осторожно развернул телеграмму и протянул её Катерине Петровне.

Но Катерина Петровна не взяла её, а всё так же умоляюще смотрела на Тихона.

— Прочти, — сказала Манюшка хрипло. — Бабка уже читать не умеет. У неё слабость в глазах.

Тихон испуганно огляделся, поправил ворот и неуверенным голосом прочёл: «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

— Не надо, Тиша! — тихо сказала Катерина Петровна. — Не надо, милый. Бог с тобой. Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто заснула.

Тихон сидел в холодной прихожей на лавочке, опустив голову. Вышла Манюшка и поманила его в комнату Катерины Петровны.

Тихон вошёл на цыпочках и всей пятернёй отёр лицо, — Катерина Петровна лежала бледная, маленькая, как будто безмятежно спала.

— Не дождалась, — пробормотал Тихон. — Эх, горе её горькое, страданье неписанное! Сиди здесь, а я сбегаю в сельсовет, доложу.

Хоронили Катерину Петровну на следующий день. Выпал тон-

кий снежок. На похороны собрались старухи и ребята. Гроб на кладбище несли Тихон, Василий и два брата Малявины.

Кладбище было за селом, над рекой. По дороге встретилась учительница. Она недавно приехала из областного города. И никого не знала.

Учительница была молоденькая, застенчивая, сероглазая, совсем девочка. Она увидела похороны и робко остановилась. Учительница испуганно посмотрела на маленькую старушку в гробу.

В областном городе у учительницы оставалась мать. Такая же маленькая, вечно взволнованная заботами о дочери и тоже совершенно седая.

Учительница постояла и медленно пошла вслед за гробом. Она спросила одну из старух:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— И-и, мила-ая, — тотчас запела Матрёна, — считай, что совсем одинокая. И такая задушевная была, такая сердечная. Всё, бывало, сидит и сидит у себя на диванчике одна. Не с кем слова сказать. Такая жалость! Есть у неё в Ленинграде дочка. Да, видно, высоко залетела. Так вот и померла без людей, без родственников.

На кладбище гроб поставили около свежей могилы. Старухи кланялись гробу, дотрагивались тёмными руками до земли. Учительница подошла к гробу. Она наклонилась и поцеловала Катерину Петровну в иссохшую жёлтую руку. Потом быстро выпрямилась, отвернулась и пошла к разрушенной кирпичной ограде.

В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Она застала свежий могильный холм на кладбище и холодную, тёмную комнату Катерины Петровны. Казалось, что жизнь из комнаты ушла уже давным-давно.

В этой комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел тяжёлый рассвет.

Уехала Настя из Заборья тихонько. Она старалась, чтобы её никто не увидел. Ей казалось, что теперь никто не сможет снять с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести. Никто, кроме Катерины Петровны...

Константин Михайлович Симонов

* * *

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда жара,

Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
За помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

(Отрывок из романа)

Когда начали стрелять, Синцов вместе с молодым солдатом Колей Баяковым сидел около пулемёта.

Коля был помощником Синцова и поэтому назывался вторым номером. У него было розовое, как у девушки, лицо и чёрные брови. Когда он снимал шапку, было видно, что волосы у него совсем светлые. Ещё в первый день знакомства Синцов подумал, что Баюков с его чёрными бровями и светлыми волосами, наверное, был очень красивый парень.

Они подружились сразу. Синцов сказал Баюкову, что на пулемёте нет разницы между номером один и его помощником. Оба они должны делать всё. В этот же день он начал учить Колю.

За неделю Баюков успел Синцову всё о себе рассказать. Он не успел окончить семь классов. Ведь его отец умер, а мать заболела. Перед армией он работал бригадиром бригады, убиравшей картошку. После армии он хочет учиться и быть агрономом.

Коля любил читать. У него была тетрадь, в которую он записывал названия всех прочитанных им книг. Для его возраста их было немало — сто четыре. Большинство книг были хорошими. По вечерам Коля пересказывал их Синцову.

Когда начали стрелять, Синцов и Баюков немного пододвинули пулемёт назад. А сами сели вниз, на дно трубы. Стреляли сильно и очень точно. Всё вокруг гудело и шумело от взрывов снарядов. Но они чувствовали себя в безопасности.

Фашисты начали стрелять ещё сильнее. Баюков залез рукой в карман, чтобы найти табак и закурить. Табака не было ещё вчера. Но Коля всё-таки искал его. Он нервничал.

Синцов встал, подошёл к амбразуре. Он посмотрел на покрытое снегом поле, лежащее перед ним. Снаряды падали и там. Из трёх домиков остались только два.

О чём думают в такие минуты люди? Иногда о важном, иногда о неважном. Синцов думал обо всём. Мысли в его голове пролетали очень быстро.

— Ты, Коля, смотри в другую амбразуру, — сказал Синцов. А сам пошёл к пулемёту.

Отсюда было видно, как навстречу двигались фашистские танки.

Первый танк остановился и выстрелил из пушки. Синцов увидел фашистских солдат. Их тёмные фигуры двигались позади танков.

Уже через пять минут Синцов и Баюков стреляли и задерживали передвижение фашистов. Какой-то фашистский пулемётчик лёг прямо на снег и начал стрелять в них. Он стрелял хорошо. Но он был в неравном положении. Он лежал на открытом месте. Синцов скоро убил его. Второй номер фашистского пулемётчика долго лежал неподвижно. Потом пополз в сторону.

Баюков показал на него рукой:

— Смотри! Уполз...

В словах Баюкова было осуждение. Он не оставил бы пулемёт после смерти товарища и продолжал бы стрелять.

Фашисты передали по радио танкам о пулемёте. Танки, кото-

рые уже стали уходить, повернули обратно. Один из них двигался прямо к ним. Наконец, он остановился.

— Сейчас он будет стрелять, — сказал Баюков.

Синцов согласился с ним.

В танке открылся люк. Из него поднялся фашистский танкист. Он хотел точнее определить, откуда стреляют Синцов и Баюков.

Синцов начал стрелять. Танкист исчез. А через секунду снаряд взорвался рядом с трубой. И сразу же Синцов начал стрелять опять. Он показывал, что жив. Танк снова выстрелил. И снаряд опять взорвался рядом. Синцов ответил ему из своего пулемёта.

— Если он захочет подойти поближе, — сказал он Баюкову, — нам нужны будут гранаты.

Баюков молча поднял с пола несколько гранат, связанных вместе.

Танк медленно поехал вверх. Синцов и Баюков хорошо слышали его шум. Но танк не смог подняться по льду. В нём опять открылся люк. На секунду бойцы увидели голову танкиста. Пушка, похожая на палец, поднялась и опустилась. Танкист хотел точно попасть в амбразуру. Синцов почувствовал страх. Снаряд взорвался совсем рядом. Ещё один... Ещё один взрыв. Синцов ударился головой о стену. Он подумал, что снаряд наконец попал в амбразуру. Но понимал, что тогда они были бы убиты.

На самом деле снаряд взорвался у края амбразуры. И только несколько осколков влетели в трубу. Чувствуя боль в голове, Синцов подполз к пулемёту и увидел фашистского танкиста. Он спокойно стоял на верху танка и рассматривал результаты своего выстрела.

Синцов начал стрелять. Танкист упал на танк. Кто-то изнутри потянул убитого за ноги, и он скрылся внутри танка. Танк сделал ещё несколько выстрелов из пушки. Но эти выстрелы уже не попадали. Танк повернулся и пошёл в сторону.

Ярослав Васильевич Смеляков

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращусь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
упавшую с неба звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.
Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
вот чем стоит лечить.

От морей и от гор
так и веет веками,
как помотришь — почувствуешь:
вечно живём.
Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками,
не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путём.

Николай Алексеевич Заболоцкий

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вёл вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,

И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Всё, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Белла Ахатовна Ахмадулина

Не уделяй мне много времени,
вопросов мне не задавай.
Глазами добрыми и верными
руки моей не задевай.

Не проходи весной по лужицам,
по следу следа моего.
Я знаю — снова не получится
из этой встречи ничего.
Ты думаешь, что я из гордости
хожу, с тобою не дружу?
Я не из гордости — из горечи
так прямо голову держу.

Евгений Александрович Евтушенко

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины

Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой

секундой,

каждым

дыханьем

будьте достойны!

Люди!

Покуда сердца

стучатся —

помните!

Какою ценой

завоёвано счастье, —

пожалуйста,

помните!

Андрей Андреевич Вознесенский

ИЗ ТАШКЕНТСКОГО РЕПОРТАЖА

Помогите Ташкенту!

Озверевшим штaketником

вмята женщина в стенку.

Помогите Ташкенту!

Если лес — помоги,

если хлеб — помоги,

если есть — помоги,

если нет — помоги!

Голым сердцем дрожишь,

город в страшной ладони пустыни.

Мой Ташкент, моя жизнь,

чем мне стать, чтобы боль отпустила?

Мэры, звёзды, студенты,

липы, возчицы хлеба

дышат в общее небо.

Не будите Ташкента.

Как далось это необыкновенно недёшево.

Нету крыш. Только небо.

Нету крыши надёжнее.

Мы — мужчины, Ташкент.
Нам привычны ушибы.
Станешь ты белоснежной легенд.
Помогавшим — спасибо.

И как буквы Анкеты
в нашу ночь зажжены
абажуры ташкентских палаток...
Будет полный порядок.
Спи, Ташкент.
Ты любимый ребёнок страны.

ПЕРВЫЙ ЛЁД

Мёрзнет девочка в автомате,
Прячет в зябкое пальтецо
Всё в слезах и губной помаде
Перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы — льдышки. В ушах — серёжки.

Ей обратно одной, одной
Вдоль по улице ледяной.
Мёрзлый лёд. Это в первый раз.
Первый лёд телефонных фраз.

Мёрзлый след на щеках блестит —
Первый лёд от людских обид.

Поскольнёшься. Ведь в первый раз.
Бьёт по радио поздний час.
Эх, раз,
Ещё раз,
Ещё много, много раз.

Владимир Семёнович Высоцкий

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг оказался вдруг
и не друг и не враг, — так...
Если сразу не разберёшь,

плох он или хорош, —
парня в горы тяни — рискни!
Не бросай одного его!
Пусть он в связке одной с тобой —
там поймёшь, кто такой.

Если парень в горах — не ах,
если сразу раскис и — вниз,
шаг ступил на ледник и — сник,
оступился — и в крик, —
значит, рядом с тобой чужой.
Ты его не брани — гони:
вверх таких не берут, и тут
про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
пусть он хмур был и зол, но шёл,
а когда ты упал со скал,
он стонал, но — держал;
если шёл он с тобой, как в бой.
На вершине стоял, хмельной, —
значит, как на себя самого,
положись на него.

Абдулла Авлони

СЕМЕЙНЫЕ СПОРЫ

О т е ц

Отправим-ка сына мы в школу, жена!
И дочери тоже наука нужна...
Ждут неучей в будущем чёрные дни,
Пора золотая лишь в детстве дана.

М а т ь

Ведь нашему сыну ишаном не стать!
А дочке учиться — от дома отстать.
Учёный кичится всезнайством своим, —
Отцу возражает, не слушает мать.

О т е ц

Нет, сын образованным будет у нас;
Дочь грамотной станет, письму обучась.
Пусть в школе науки изучат они, —
Ведь только гранёный сверкает алмаз!

М а т ь

Взгляни, не учился ль весь век Ахмаджон,
А в корочке хлеба нуждается он!
Послушай меня, не упрямясь, отец!
Он — нищий, хоть, молвят, отменно учён!

О т е ц

Когда в наши дни человек неучён,
Кусает не хлеб, а булыжники он.
Слова ты мои понимаешь ли, мать?
На труд он тяжёлый навек обречён.

М а т ь

Не горе, коль мы не обучим детей,
Коль мы обойдёмся без этих затей!
Ведь люди кругом одинаковы все...
Чем хуже простые учёных людей?

О т е ц

Пустые слова, говоришь не о том!
И сына и дочку мы в школу пошлём.
Нуждаются оба в ученье они, —
И нам благодарны же будут потом.

М а т ь

Лишенья терпеть из-за этих наук!
Ведь точно такие же люди вокруг,
А вот почему-то не учат детей...
Откуда подобное рвение вдруг?

О т е ц

Отстань! О других тебе нету забот!
Кто любит детей, тот их в школу пошлёт.
Коль вырастим просвещённых людей,
Обоим нам скажет спасибо народ!

Миртемир

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родной язык —
Моей мамы язык —
Ещё в колыбели мне в душу впитался:
На нём говорит всё, к чему я привык
На древней земле,
Где он сам зачинался.
Сокровищем дедов завещан нам был —
Сокровище правнуков наших.
Как зеркало, облик души отразил —
Души, миру гениев давшей.

Офелии драмой мы тронуты были —
Спасибо родному за то языку.
Звучит на нём Пушкин по-русски просторно,
На нём Руставели, узнав, полюбили.
Спасибо родному за то языку.
Сокровищем дедов завещан нам он —
Его, не растратив, всегда завещают...
Душа поколений, как в зеркале, — в нём:
Он гениев миру ещё нарождает.

Абдулхамид Чулпон

Народ — как море, как волна,
Как сила мятежа,
Народ, как пламени стена,
Как мстителя душа.
Когда поднимется народ —
Нет для него преград.
И мощь его в пути растёт,
Он выше во сто крат
Любых престолов и корон,
Он их сметёт, снесёт.
Свобода — вот его закон,
Да здравствует народ!
Он хочет, чтобы вольным был
Преобразился край,
От чёрных туч, от чёрных крыл

Освободился край.
Однажды встанет, закипит
Лихой водоворот.
Он, словно сказочный джигит,
Поднимется народ.
Лишенья, горести, нужда
Навеки отойдут.
Исчезнут беды навсегда,
Все нивы расцветут.
И силы каждому из нас,
И волю он даёт —
Освобожденья близок час,
Да здравствует народ!

Зульфия

ПУШКИНУ

Знаете, я — женщина Востока,
А у нас законы таковы:
С тем, кого мы любим столь глубоко,
Говорить положено на «вы».
Пушкин!.. Люди разных поколений
Чтут у нас ваш лучезарный гений!

Издавна Восток с искусством дружен.
Сколько роз вместил наш старый сад,
Столько ослепительных жемчужин
Росами на лепестках блестят!
Звёзды яркие у нас зажгли
Навои, Хафиз и Физули!..
Быть меж ними на почётном месте
Не обидно и для вашей чести...

Можно, я на миг в тот сад войду?..
Скромной тенью проскользну по следу
И послушаю, о чём в саду
Старцы мудрые ведут беседу,
Окружив кудрявого певца,
Чей глагол людские жёг сердца.
Вот они: под ароматной сенью
Не спеша беседуют в тиши.
Молвит Навои:

«Стихотворенье —
Это спутник жаждущей души...»

Я сказать ни слова не посмею,
Но, признаюсь, с детства и позднее,
Да, в течение всех дней моих! —
Спутником души моей был стих:
Навои родного лад высокий,
Ваши, Пушкин, огненные строки.

Эркин Вахидов

НАСТАВНИК — МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Поклоняйся не мне —
Поклоняйся родимой земле.
Ей нужны не рабы, а творцы:
Созидатель иль воин.
Есть певцы у неё; мы с тобой в их числе,
Но назваться поэтом лишь гений сегодня достоин.

Не лукавь и не трусь.
Независимым, искренним будь.
Коль вершиной не стал,
Будь скалой, что тверда, словно камень.
Я — ступенька твоя,
Чтобы мог ты повыше шагнуть, —
Будь ступенькой и ты для идущих за нами.

СВОБОДНЫЙ КРАЙ — УЗБЕКИСТАН

Ещё картины прошлых лет
встают сквозь горные туманы:
Запёкшиеся среди камней —
от крови пролитой — тюльпаны.
Топтали орды хищно, зло,
и на земле заметны раны...
Но время новое пришло.
И ветры вольные над нами.
Узбекистан — свободный край,
живи и расцветай садами!